

Джеймс Во. *Вожак стаи*

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Генн Седогрив: вожак стаи

Джеймс Во

– Никогда не проси протянуть тебе руку помощи, сын мой, – сказал король Арчибальд Седогрив. Его силуэт возвышался в лучах заходящего солнца, озарявших царственную фигуру. – Ты должен надеяться только на себя. Именно это отличает великих людей от слабых.

Его отпрыск, семилетний принц Генн, поспешно спрятал протянутую руку за спину. Мальчик сидел, скрестив ноги, на холодных камнях недавно возведенной крепости, но эта постройка, воплотившая в себе величие народа, в его глазах казалась незначительной по сравнению с человеком, стоявшим рядом с ним.

– Думаешь, мы построили все это при помощи других королевств, которые решили оказать нам помощь? – продолжил свои наставления Арчибальд, указывая рукой на башни Гилнеаса, возвышающиеся неподалеку. С вершины крепости город представлял собой величественное зрелище: широкие, покрытые черепицей крыши, мощеные булыжником улицы; магазины, мастерские, дым, поднимающийся из печных труб... воистину, это был город, смотрящий далеко в будущее, где все его жители процветали.

– Когда я был таким же юным принцем, мой отец и мечтать не мог ни о чем подобном! Но я никогда не отрекался от мечты и делал все ради ее осуществления... И вот посмотри, сынок, чего мы достигли – сами, без помощи Штормграда, не рассчитывая на ресурсы Лордерона. И уж тем более мы не просили поддержки у этих длинноухих гордецов из Кель’Таласа.

Конечно, Генн слышал о том, каким был Гилнеас до восхождения на трон Арчибальда. Тогда их королевство не могло рассчитывать и на малую толику того влияния, которым оно обладает сейчас.

– А теперь поднимайся, сынок. Вставай на ноги и больше не проси меня о помощи, потому что когда-нибудь государство будет принадлежать тебе и ты должен быть готов к этому.

– Но Гилнеас твой, папа. Так будет всегда.

Арчибальд улыбнулся, и в голосе его проскользнули нотки нежности.

– Нет, мой будущий король. День сменяется ночью, принцы сменяют на троне отцов. Так было всегда, и так будет... Пойдем же, пока ты не замерз. Нас ждет роскошный пир – я слышал, повара готовят жареного кабана.

Генн быстро вскочил на ноги – сочная кабанятина, приготовленная лучшим, по его мнению, поваром Азерота, была его самым любимым лакомством.

– Пап, а на гарнир будет яблочный соус?

– Если ты хочешь яблочный соус, сынок, ты его получишь. Так уж устроен мир для принцев и королей.

И с этими словами отец и сын спустились с дозорных укреплений, озаренных последними лучами умирающего солнца.

Транспортный корабль ночных эльфов перевалился через гребень разбушевавшейся волны. С каждым таким головокружительным толчком древние доски, вот уже тысячу лет составлявшие остов корабля, издавали резкие, пронзительные стоны.

Где-то в пропахшем сыростью трюме король Генн Седогрив открыл глаза, прогоняя видения своей юности. Эта сцена была не единственной, всплывшей в его памяти в последние дни; воспоминания постоянно будоражили его воспаленный разум, точно пытаясь донести какую-то важную мысль, которую он не мог уловить. Память – странная штука; ее магия подчас причудливей и загадочнее, чем тайные искусства великих чародеев Даларана.

Он попытался подняться, но тело, измученное тяжестью последней битвы, отказывалось повиноваться. Битвы за королевство, которую он проиграл.

Тяжело дыша от боли, король закрыл глаза, и тут же его окружили образы прошлого, воспоминания, что он тщетно пытался прогнать. *Кубок, со звоном катящийся по каменному полу, знамена Гилнеаса, гордо реющие на ветру... струйка крови, стекающая с застывших губ его погибшего сына, Лиамы.*

Мысленно взмолившись о минуте передышки, он открыл глаза и увидел перед собой темно-синюю руку ночного эльфа.

– Позвольте помочь вам, лорд Седогрив. Вам многое пришлось пережить в эти ужасные дни.

Слова Талара Вороньего Дуба звучали мягко, но Генн знал, что демонстративную учтивость ночных эльфов не стоит принимать за слабость.

Высокую фигуру Талара подчеркивали резные кожаные доспехи и шелковые одеяния удивительного цвета – не то синего, не то зеленого оттенка. С огромного посоха, который он сжимал в другой руке, свисали роскошные пучки перьев.

На краткий миг Генн замешкался, глядя на протянутую ему руку.

– Старый король пока еще не нуждается в помощи, чтобы выбраться из постели, Талар Вороний Дуб. Это я пока могу сделать сам.

Генн поднялся на ноги, преодолевая вспышку боли в спине, но гримаса страдания не укрылась от зорких глаз Талара.

– У меня плохие новости, ваше величество, – наконец сказал он, подавив раздражение. – Вы должны подняться на главную палубу. Опасность еще не миновала!

Свет факела отбрасывал неровные, дрожащие тени на гранитные стены королевских гостевых покоев Лордерона. Генн в сопровождении нескольких уважаемых представителей знати Гилнеаса прибыл по срочному вызову короля Теренаса вместе с другими властителями Азерота. Несколько часов назад они узнали о взятии Штормграда оркской Ордой, и ближайшее будущее представлялось им в мрачном свете. После церемониального ужина с правителями разных королевств Генн уединился в своих покоях с соотечественниками, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

– Если мы ничего не предпримем, эти проклятые зеленые твари завтра постучатся в наши ворота. Лорд Седогрив, нам следует присоединиться к Альянсу. Нельзя допустить, чтобы наши земли оказались в лапах чудовищ!

Произнесший эту речь молодой лорд Краули был не очень искушен в тонкостях политики, но многие полагали, что его ждет большое будущее. Пылкость, с которой он убеждал лордов в своей правоте, напомнила многим самого Седогрива.

– Право же, Краули, я разделяю твои опасения. Можешь мне поверить. Но эти... орки, как они себя называют, пока еще далеко от наших земель. Они не пролили еще ни капли гилнеасской крови. В душе я скорблю по Штормграду, сочувствую юному принцу Вариану и этому герою, Лотару. Но смею ли я обречь свой народ на такую же судьбу? Стоит ли рисковать жизнями наших граждан ради войны, которая нас не касается?

Генн говорил страстно и убедительно. Ему еще никогда не приходилось сталкиваться с подобной угрозой, но в целом он был уверен, что его трудолюбивый народ в состоянии сам справиться с шайкой недоразвитых вандалов.

– Но господин, другие народы стремятся к объединению, – настаивал Краули. – Если Троллебой, Перенольд и прочие примкнут к Альянсу, как можем мы оставаться в стороне и продолжать называть себя друзьями и соседями?

Теперь Генн начал понимать, почему Краули так популярен среди народа. Речи его были полны воодушевления и заботы о ближних, без какого-либо

политического подтекста. Король не мог не испытывать к нему уважения, даже несмотря на то, что его утверждения были ошибочны. Краули не понимал, насколько недальновидны его замыслы, и по молодости своей не испытывал гордость за свой народ.

– Мой отец никогда не считал, что будущее нашего народа неразрывно связано с судьбой Лордерона, Стромгарда и Альтерака. Среди королевств тоже есть более сильные и более слабые представители, лорд Краули. Не нам вмешиваться в этот порядок вещей. Гилнеас – сильное государство, и потому оно должно в первую очередь заботиться о своем благосостоянии.

Генн понял, что его слова нашли отклик в сердцах лордов. Он видел, как они одобрительно кивают головами, мысленно представляя себе сводки с фронтов, слезы матерей, потерявших своих близких. Они понимали, какую цену придется заплатить за помощь Теренасу и Лотару.

И в этот момент кто-то осторожно заметил:

– С другой стороны, мой господин, было бы разумно не портить отношения с соседями. Учитывая наши торговые связи и таможенные пошлины, которые хотелось бы оставить на прежнем уровне, мы могли бы послать небольшой отряд, который покажет, что даже незначительная помощь со стороны Гилнеаса может переломить ход сражения. У нас ведь есть ополченцы на охране внешних границ – давайте отправим их.

Говорящего звали Годфри. Генн всегда доверял его суждениям, хотя его беспокоили амбиции советника. В отличие от бескорыстного Краули Годфри руководствовался соображениями собственной выгоды: все понимали, что он как командир ополченцев покровит себя славой. Но в его словах был свой резон: торговые связи и низкие таможенные пошлины приносили огромный доход королевству и ставить под угрозу такие привилегии было бы неразумно.

– В этом есть смысл, мой господин, – кивнул барон Эшбери, верный друг короля. Они с Генном росли вместе, пока их отцы – лорд Эшбери I и король Арчибальд – вместе строили будущее государства, и Арчибальд не раз говорил Генну, что эта семья всегда была верна короне.

– Я обдумаю твое предложение, Годфри.

Генн и Талар вихрем поднялись по извилистой лестнице, ведущей на палубу. Несмотря на спешку, король не мог не обратить внимания на красоту эльфийского корабля. Каждая его деталь была выполнена с потрясающей искусностью; столь огромное многопалубное судно не мог построить даже его просвещенный народ.

– Похоже, все гилнеассцы отличаются упрямством, лорд Седогрив, – за последний день недовольство Талара заметно возросло.

– И мы гордимся этим качеством, благородный друид.

– Да, я заметил.

– Талар, я ценю твою вежливость, но мне бы хотелось услышать то, что ты думаешь на самом деле. С самой первой встречи меня преследует чувство, будто ты относишься ко мне с настороженностью. Прошу, окажи мне честь и выскажи, что у тебя на уме.

– Примите мои извинения, ваше величество. Видите ли, сейчас, когда над Азеротом нависла смертельная угроза, я боюсь, что мы не сможем справиться с ней, если не найдем в себе силы объединиться... А вы – правитель, который когда-то принял решение оградить свое королевство от остального мира. Вы – король, который долгие годы отказывался протянуть руку помощи. Я друид, ваше величество. Я верю в то, что в мире все взаимосвязано. Таков закон природы. Экосистемы. Я не могу принять ваш выбор.

– Я многим обязан твоему народу, Талар. Мы во многом отличаемся друг от друга, но нельзя допустить, чтобы эти различия встали между нами.

– Разумеется, – вежливо поклонился Талар. – Верховный друид Ярость Бури считает, что ваш народ станет важной частью Альянса. Как я могу усомниться в его мудрости?

– Частью Альянса? – ошеломленно переспросил Генн. – Мы многим вам обязаны, не буду этого отрицать... но я не могу дать вам или вашему предводителю никаких гарантий того, что мы будем принимать участие в делах благородного Альянса как сколько-нибудь значимая часть.

– Мне жаль это слышать, но вопросы политики меня не касаются. Сейчас нас должен волновать только вопрос выживания.

Дневной свет с трудом пробивался через сгустившиеся тучи, не в силах соперничать с темным горизонтом. Генн вдохнул свежий соленый воздух и услышал в отдалении тревожные крики чаек.

Повсюду на палубе сновали десятки синеккожих эльфов, очевидно готовящихся встретить суровую бурю, но среди них встречались и жители королевства – розовые лица людей и, конечно, мохнатые морды воргенов. Волкоподобные мужчины и женщины отказались повиноваться приказам своих спасителей.

– Ваше величество, они не послушались приказа покинуть палубу и выказали желание принять участие в подготовке.

Рядом с носом корабля шумно спорили трое: две красивые женщины-часовые безуспешно пытались отобрать у воргена шкоты. Оскорбленный таким напором человек-волк яростно отталкивал вот уже третьего моряка-ночного эльфа.

– Поймите, изначально нас послали в этот поход не для того, чтобы вывезти оставшееся население королевства в Дарнас. Мы должны были помочь справиться с воргенами. У нас и так не хватает людей. Посмотрите, на нас надвигается не просто шторм. Возможно, сейчас нам придется столкнуться с самым серьезным препятствием на нашем пути.

– Совершенно верно, Талар.

Рядом с кораблем плыли еще несколько эльфийских фрегатов; Генн знал, что на одном из них, на «Свете Элуны», плыли его жена Миа и дочь Тесс. Все, что осталось от его семьи. Как же тяжело было думать о семье, в которой нет больше сына! Эта боль была сильнее любых физических страданий, сильнее тоски по потерянному королевству.

– Разведчики вернулись! – оповестил впередсмотрящий из своего «вороньего гнезда», указывая куда-то на темное небо. Там, среди нависающих грозных облаков виднелись три черные точки. Они медленно приближались, обретая форму огромных, стремительных воронов, на сумасшедшей скорости летящих по направлению к Талару; в их отчаянном, беспорядочном карканье Генну почудился страх.

В следующее мгновение огромные птицы сменили форму. Генн вздрогнул от неожиданности: хотя до него доходили слухи, что некоторые сельские жители Гилнеаса тоже изучали друидские практики, раньше ему не приходилось видеть подобную трансформацию. На его глазах птичьи силуэты теряли форму, приспособив свой облик к человеческим очертаниям друидов-калдорай – двух мужчин и одной женщины.

У всех них было предельно испуганное выражение лица.

– Мы должны действовать без промедления! – воскликнула девушка.

– Эта буря... она... я никогда ничего подобного не видел. Волны высотой трех великанов... и повсюду обломки разбитых кораблей, – добавил один из друидов. Он изо всех сил пытался сохранять спокойствие, но страх все равно чувствовался во всем его облике.

– Этого я и боялся, – ответил Талар. – Быстрее, предупредите капитанов других кораблей. Скажите им, что в одиночку корабли не уцелеют. Мы должны объединиться во флотилию!

Не медля ни секунды, друиды снова приняли облик огромных воронов и полетели навстречу другим кораблям. Высокие гребни волн, сопровождаемых черными грозowymi облаками, уже виднелись на горизонте. Генн никогда не считал себя опытным мореплавателем, но ситуация выглядела угрожающей даже на его неискушенный взгляд.

– Этот проклятый черный дракон все еще преследует нас, – проворчал Талар. Генн еще никогда не видел ночного эльфа в таком волнении, даже когда им с трудом удалось избежать гибели при отступлении из Гилнеаса. – Мир все еще не оправился от последствий катаклизма... бури раздирают море на части...

– Смертокрыл Разрушитель – чудовище, с этим не поспоришь... но стоит ли верить в то, что один монстр вызвал все эти несчастья, которые по сей день продолжают нас преследовать? Мне кажется...

– Вам придется поверить, король Седогрив. Как я уже сказал, настали темные времена. Если нам удастся пережить эту бурю, судьба Гилнеаса станет только началом цепи ужасных событий. А теперь прошу вас, прикажите своим людям на всех кораблях покинуть палубы и спуститься в трюм. Они только отвлекают мою команду.

С этими словами Талар отвернулся и принялся подавать сигналы морякам на мостике.

– Мы можем помочь вам, Талар. Каждый из этих людей готов сделать все ради спасения собственной шкуры.

– Нет времени на споры! Я предпочитаю, чтобы их шкуры, как вы выражаетесь, не пошли на корм нагам Великого моря. Вы плывете на наших кораблях, так что будьте добры сотрудничать с нами.

На палубу обрушились первые струи проливного дождя, сурово хлестнувшие моряков, которые сражались с непокорными снастями. Море было беспокойно; Генн внезапно осознал, что сейчас не время и не место для убеждений. В этой ситуации им придется довериться калдорай.

Ветер взвыл, и тут же буквально из ниоткуда возникла высокая волна, ударившая в борт корабля подобно пушечному ядру. Люди, ночные эльфы и воргены, смешавшись, покатались по палубе. В последний момент Генн зацепился за литье и с трудом удержался на ногах: буря нанесла удар еще быстрее, чем предсказывали разведчики.

Он почти ничего не видел за пеленой дождя, но слышал крики людей: кажется, они спорили с ночными эльфами. Преодолевая сопротивление ветра, король поднялся и начал выкрикивать приказы своим людям.

– Простите, что вы намереваетесь сделать?

Генн почувствовал на себе взгляд Годфри, брошенный поверх стекол его очков, толстых, как кубики льда. Они находились в штабной комнате, и по иронии случая она как нельзя лучше подходила для обсуждения последствий подобного решения.

– Ты меня правильно понял, Годфри.

– Вы хотите отрезать все королевство от остального мира? Закрывать границы, прервать торговлю с государствами Альянса? Я... мне кажется, это очень глобальное решение.

– Я уже однажды послушался вашего с Краули совета – и вот посмотри, к чему это привело! Множество гилнеасцев погибло в лапах этих зеленокожих бандитов, а Альянс – да-да, тот самый Альянс, который якобы должен был благодарить наш народ за помощь – вместо этого требует все больше и больше податей. Мы только отдаем, ничего не получая взамен! Где же взаимовыгодное сотрудничество, которое вы мне обещали? Вот, полюбуйся – теперь они хотят, чтобы мы выслали золото для этой крепости, как ее там... Стражей Пустоты. Какое дело мне и моим людям до этой заставы?

Годфри бросил беглый взгляд на карту страны, развернутую на старинном дубовом столе. Очевидно, Генн сейчас был не в том настроении, чтобы с ним можно было вести дискуссию, поэтому он не собирался настаивать на своей точке зрения. Генн был человеком действия, как и его отец.

Он поднял со стола кубок и отхлебнул глоток красного кул-тирасского вина. Чувствуя, как оно приятно растекается по внутренностям, Годфри подумал, что, возможно, ему больше не доведется пробовать этот чудесный островной напиток. Наконец, он собрался с мыслями и заговорил:

– Послушайте, я же не говорю, что вы приняли неверное решение. Просто мне кажется, что...

– Мы протянули Альянсу руку помощи. Мы помогли им в час нужды – и посмотрите, как они нам отплатили. Как государство мы стали беднее, а Альянс и так богатеет с каждым днем. А орки? Эти кровожадные, безжалостные твари... Ты

же видел, на что они способны... Как смеет Теренас требовать от нас еще больше золота, еще больше крови, которая прольется в его честь? Хватит!

Генн говорил с воодушевлением человека, которому было видение светлого будущего.

– Но ведь стена пройдет по землям, принадлежащим знатным людям. Надо подумать над этим вопросом... На естественные границы нельзя полагаться – они не столь неприступны.

– Конечно, я об этом подумал! Если кому-то придется потесниться, мы компенсируем все убытки – как владельцу земель, так и фермерам, живущим на этом участке.

Годфри отхлебнул еще глоток вина, пытаясь упорядочить свои мысли. Изучив карту, он откинулся в своем кресле.

– Судя по этим наброскам, вы планируете затронуть владения лорда Марли... Но взгляните и сюда – здесь начинается горная цепь, идеальное природное ограждение...

– Верно.

– И чтобы включить его в состав стены, придется отрезать часть земель лорда Краули. Как минимум деревню Погребальных Костров и Янтарную мельницу.

– Да, я тоже думал в этом направлении. Беда в том, что Краули обладает огромным влиянием – в этом отношении он почти равен тебе, Годфри. Не думаю, что он с радостью согласится с нашим решением.

– Истинно так. Однако ему придется понять, что мы действуем в интересах всего Гилнеаса. Очевидно, что построенный нами заслон будет неприступен, – настаивал Годфри, выжидательно глядя на короля.

– Ты прав, Годфри. К тому же, твои владения приобретут стратегически важное значение, ибо будут находиться в непосредственной близости от стены, не так ли?

– Господин, это не имеет никакого отношения к моей личной выгоде. Я пекусь только о благе Гилнеаса. Неужели вы думаете, что...

– Хватит, Годфри. Ты прав насчет расположения стены, и мне неважно, какие у тебя мотивы, старый друг.

– Сир, я...

– Мы построим стену, идущую через горы, и земли Северных врат обеспечат нашу безопасность. Все правильно. Что же до лорда Краули... Дариусу придется смириться.

Годфри залпом допил вино и тут же снова наполнил кубок. В ближайшие годы ему не придется испытывать недостатка в изысканных напитках, ибо сегодня он, как выражаются обитатели тропических островов рядом с Пиратской бухтой, «превратил лимоны в лимонад». Ему с трудом удалось сдержать ухмылку.

– Надо созвать совет дворянства, – сказал он, вставая из кресла. – Мы идем верным путем, мой повелитель, хотя, возможно, он полон подводных камней.

– Понимаю... – казалось, будто Генн поглощен созерцанием мерцающего пламени свечи. Мысли его витали где-то далеко в будущем. – Представь, только представь себе, как будет прекрасна наша жизнь без какого-либо стороннего вмешательства...

Корабли плыли друг к другу, чтобы сформировать единый фронт против сокрушающего напора стихии. Моряки из числа ночных эльфов трудились не покладая рук, перебегая с борта на борт и перекидывая канаты соседним суднам.

Расчет был прост: если сформировать плотную флотилию, то связанные единой цепью корабли имеют больше шансов выстоять против бури, чем поодиночке.

– В хвостовой группе сломало несколько мачт, положение серьезное! – выкрикнул один из матросов. Талар немедленно бросился в хвост корабля оценить ситуацию.

– Талар, где «Свет Элуну»? Разве он не в хвостовой группе? – тревожно спросил Генн, пытаясь одолеть скользкие от воды ступеньки, ведущие на мостик.

Талар на мгновение замешкался.

– Вы правы. Но мы пока не знаем, что с ним.

Он указал длинным, сиреневым пальцем куда-то направо. Генн прищурился: среди серой дымки виднелись бледные очертания двух кораблей, один из которых был сильно поврежден и шел на буксире.

– Эльф, мне нужна подзорная труба! Немедленно! – не дожидаясь ответа, король выхватил ее из рук ближайшего моряка.

Всматриваясь вдаль, Генн увидел, как очертания обрели форму. Его опасения подтвердились: «Свет Элуны» вел за собой поврежденный корабль со сломанной мачтой и обрывками парусов, безвольно повисшими на реях.

– Держитесь крепче, идет волна! – донесся с высоты крик впередсмотрящего, но было уже слишком поздно. Мир опрокинулся под ногами короля, и подзорная труба, тяжело звякнув, покатила по внезапно вздыбившейся палубе.

И пришла волна, холодное и соленое объятие океана, оставившее после себя тупую, пульсирующую боль в ушибленной голове, и безвольную слабость тела, скользящего к краю.

Боль снова пробудила волну воспоминаний – *кубок, катящийся по каменному полу. Лицо Лиама...*

Бах! Корабль рухнул обратно в море с такой силой, что у Генна зазвенело в ушах. Он услышал треск, и в следующее мгновение увидел, как бизань-мачта, расколовшись пополам, падает на палубу. Пространство вокруг наполнили крики матросов, вычерпывающих все пребывающую воду.

– Ну и волна, не меньше двадцати метров высотой! Долго нам так не продержаться, сэр! – крикнул какой-то матрос, цепляясь за потрепанные снасти. Генн тоже заставил себя встать и держаться прямо; в голове все еще звенело... а чудовищная волна теперь приближалась к кораблям на горизонте: к «Свету Элуны» и его едва держащемуся на плаву подопечному.

– Миа! Тесс!

В следующую секунду вал обрушился на неповоротливые суда. Генну показалось, будто время замедлило свой бег: два транспортных корабля врезались друг в друга, разлетевшись веером деревянных обломков. Словно бы море развернуло свой зев, поглотив тонувшее судно и оставив поврежденный «Свет Элуны» на произвол судьбы.

– Слава Свету! – выдохнул с облегчением Генн.

– Шлюпки на воду! Бросайте спасательные круги, мы должны попытаться спасти хоть кого-то! – выкрикивал распоряжения Талар.

– Невозможно, буря еще не утихла! Волна идет за волной! – крикнул кто-то из матросов, и каждое слово болью отозвалось в звенящей голове короля.

– Они все наступают, ваше величество! Волна за волной... Их так много... Боюсь, мы не в силах их удержать!

Капитан стражи с трудом скрывал свой страх, не в силах отвести взгляда от того, что творилось у подножия Стены Седогрива. Рядом с ним на дозорном укреплении стояли Генн, юный принц Лиам и знаменитый верховный маг, известный как Аругал.

Под ними бушевало море оживших мертвецов, паукообразных тварей и огромных чудовищ, чьи неповоротливые тела, казалось, были сшиты из множества полуразложившихся трупов. Генн не знал, кто сотворил столь невообразимых монстров, но источник этого нашествия был известен: Лордерон. Королевство, еще несколько недель назад просившее Гилнеас о помощи – и получившее решительный отказ.

– Великий Свет, вы только посмотрите! Их так много... – ошеломленно прошептал Генн. Лунный свет бликами отражался от бесчисленных истрепанных доспехов воскресшей армии, чьи стоны, безжалостные и жуткие, эхом разносились по полю. Нежить шла, ведомая одной целью: сокрушить стену, преградившую им путь.

Последний рубеж обороны возле стены отважно держали гилнеасские солдаты, чьи зажигательные стрелы ежесекундно вспарывали темноту ночи, каждый раз находя себе цель. Но как только один мертвец падал, охваченный пламенем, на его место становился другой.

– Этой армии нет конца, сир... Мы сражаемся с ними уже несколько дней, и, боюсь, нам долго не продержаться. Даже наша великая стена не устоит перед таким напором...

Капитан был подавлен. За последние несколько дней ему довелось увидеть столько ужасов войны, сколько не выпадает воину за всю жизнь, и он чувствовал, что многие из этих страшных картин не сможет забыть никогда.

– Соберись, гилнеасец! – сурово одернул его Генн. – Где твоя гордость, где вера в свой народ? Разумеется, стена устоит, и переживет любое нашествие!

Он знал, что несмотря ни на что должен показать себя сильным правителем, вожаком стаи, воплощенным сердцем Гилнеаса.

Он обвел глазами поле сражения; отовсюду доносились крики раненых. Солдаты уже не могли удерживать позиции, и их теснили к стене. Что бы сделал его отец в такой ситуации, подумал Генн. Выход есть из любой ситуации...

– Отец, почему ты... почему не послушал меня?

Не веря своим ушам, Генн медленно повернулся на звук голоса. Лиам, его родной сын, укорял его на глазах советников в тот самый момент, когда король делал все, чтобы сохранить присутствие духа!

– Мальчик, сейчас не время для дискуссий! Оставим это.

С пылающими от ярости глазами Генн повернулся к верховному магу, стоящему у него за спиной. Этот Аругал всегда был для него загадкой. Даже сейчас лицо его не выражало никаких эмоций, словно бы он равнодушно и расчетливо изучал нежить, движущуюся к подножию стены. Но таковы были все, кто посвятили свою жизнь изучению тайных искусств. Генн никогда не встречал волшебников, способных к состраданию.

– Господин маг...

– Чем могу служить, повелитель? – холодно откликнулся Аругал, не отрывая взгляда от поля боя.

– Время исполнить то, что мы задумали. Не мешкайте!

Аругал слегка наклонил голову, и на лице его появилось странное выражение – как будто ребенку наконец-то дали новую игрушку.

– Будет сделано, мой повелитель.

И с этими словами он покинул Генна, Лиам и капитана, которые остались наедине со страшными звуками, доносящимися с поля боя. Лязг мечей о стальную броню, перекликающиеся вопли оживших мертвецов, стоны умирающих солдат... На мгновение Генн задумался о правильности принятого решения. Он видел людей-волков, этих воргенов, которых откуда-то призвал Аругал. Они были опасны и ненадежны. Но отчаянные времена требовали отчаянных мер: в конце концов, иногда одолеть чудовище можно только с помощью другого чудовища.

Яростные удары бури не прекращались ни на мгновение, гигантские волны шли одна за другой, но объединенная сила корабельного дерева и стальных заклепок флотилии все еще удерживала натиск стихии. Любое повреждение, полученное одним из кораблей, тут же устранялось усилием команды всего флота.

Однако флотилия ничем не могла помочь «Свету Элуны». Они не шли на помощь Миа и Тесс. Их корабль – или, точнее, то, что от него осталось – все больше погружался в пучину океана.

На воду спустили четыре спасательные шлюпки, четыре островка надежды среди бушующих волн и потоков дождя; их белые очертания резко выделялись на

фоне угольно-черных туч. К лодкам уже спускались несколько часовых-ночных эльфов с острыми копьями за спиной. Разглядев у правого борта знакомую фигуру Талара, Генн ринулся к нему.

– Я должен плыть с вами, – взмолился он.

– Король Седогрив, я обязан доставить вас и ваших людей в Дарнас в целости и сохранности! – отозвался тот, пытаясь перекричать раскаты грома и завывания ветра. – Я, как командир экспедиции, обязан сопровождать моих людей в этом опасном предприятии, но не могу ставить еще и вашу жизнь под угрозу! Клянусь, я сделаю все, чтобы спасти вашу жену и ребенка.

– Они – все, что у меня осталось в этой жизни, Талар! Я должен...

– Вы должны остаться на корабле!

С этими словами Талар ухватился за свисающий канат и перепрыгнул в спасательную шлюпку. Тут же лодки отчалили от борта и устремились к «Свету Элуну», где среди бушующего океана то и дело виднелись крохотные синие и розовые фигурки, отчаянно взмахивающие руками.

Генн смотрел, как шлюпки неуклюже переваливаются через гребни волн и понимал, что не может просто сидеть и ждать, когда решится судьба его семьи. Нет, только не в этот момент! Он так многим обязан жене и дочери. Даже сейчас, когда их мир рассыпался на части, когда ему приходилось иметь дело с последствиями своих необдуманных решений, Миа и Тесс поддерживали и понимали его, как никто другой.

Король глубоко вдохнул и испустил протяжный рык. Он чувствовал, как меняется его тело: кости расширялись, кожа обрастала густой шерстью, а лицо превращалось в вытянутую, оскаленную морду. Изогнув спину дугой, устремив мохнатые лапы к небу, Генн с воем завершил преобразование. Теперь он стал воргеном, одним из тех людей-волков, которых когда-то призвал Аругал по его указанию. Одним из тех существ, которые вместе с Отрекшимися уничтожили и его королевство. Но в этом обличье он был гораздо быстрее и сильнее: проклятие, поразившее его народ, несло в себе некоторые преимущества.

Разогнавшись, он ринулся к борту корабля, не обращая больше внимания на скользкую палубу под ногами. Звериный инстинкт направлял его, пульсировал в его венах. Казалось, будто все мысли испарились из его головы, подчинив разум одной цели – движению вперед! Жалкие перила на борту корабля не могли его остановить. Генн взмыл вверх и прыгнул в открытое море.

Услышав вой, Талар резко обернулся: позади него, точно дикий зверь, нацелившийся на добычу, летел Седогрив.

Генн идеально приземлился на все четыре лапы и тут же встретился глазами с друидом. Сидящие рядом часовые испуганно ошетились острыми наконечниками копий.

– Я не могу оставаться в стороне, если речь идет о моей семье, – рявкнул он; голос его, измененный трансформацией, звучал грубо и угрожающе.

Талар дал знак часовым опустить оружие.

– Что за упрямый человек, – проворчал он, но через мгновение одобрительно кивнул головой.

Наконец спасательные шлюпки добрались до тонущего корабля. «Свет Элуну», стонущий и раздробленный, все еще держался на воде; но корпус был пробит, палуба пошла глубокими трещинами, а нос теперь указывал высоко в небо.

– Эй, на помощь!

– Во имя Света, спасите, спасите меня!

– Друид, брат мой, помоги!

Повсюду виднелись протянутые руки, отчаянно бьющие по воде: гилнеасцы и калдорай из последних сил пытались не пойти ко дну.

Часовые хватали их и затаскивали в шлюпки, но лодка Талара, не останавливаясь, плыла прямо к борту транспортного корабля. Там, на высоко задравшемся носу судна тоже были выжившие; их крики тонули в какофонии звуков дождя, ветра и скрипов тонущего судна. Внезапно Генн осознал, что спасшихся слишком мало... очевидно, прочие несчастные стали жертвой Великого моря и тварей, живущих в его вечной глубине.

– Миа! Тесс! – выкрикнул Генн. В облике воргена его зрение было гораздо острее, и он уже издали видел, что семьи нет на носу корабля. – Должно быть, они все еще внутри!

– Вперед, на корабль! Быстрее, забрасывайте канаты!

Часовые на борту шлюпки снова выхватили свои копья, но теперь к каждому из них была привязана прочная веревка. Древние орудия взмыли вверх и вонзились в палубу, оставив тросы в сильных руках воительниц.

– Их нет наверху! Если они еще живы, то остались внутри корабля!

Не дожидаясь ответа, Генн выпрыгнул из шлюпки и уцепился за заклепку на борту. Оттуда ему было легко добраться до иллюминатора с выбитым стеклом.

– Стой, Седогрив! Выжившим всегда приказывают собраться на носу или корме! Если они спаслись, они должны быть...

Слишком поздно; Генн уже вырвал деревянную раму, окружавшую иллюминатор, и скрылся в чреве тонущего корабля.

– Глупец, он же погибнет... Впрочем, если такова его воля... – пробормотал Талар. В следующее мгновение он принял облик гигантского ворона и взмыл высоко в грозное небо, где на вершине вздыбленной палубы махали руками уцелевшие моряки.

Внутри корабля бушевал пожар. Генн почти ничего не видел сквозь густой, серый дым. Жара была невыносимой, каждый вдох давался с трудом. Он пробирался через перевернутое нутро судна, среди раздробленных досок и обломков мебели. Откуда-то сверху до него доносились отчаянные крики.

– Миа?

Древняя ярость, присущая дикому облику, окутала его со следующим вздохом, и он вырвался из разрушенной каюты в боковой проход, окутанный дымом и пламенем.

– Тесс!

Сила притяжения обрушилась на его тело; каждое движение вверх давалось с трудом. Перевернутые проходы были усеяны трупами, среди которых встречались гордые часовые калдорай. Некоторые из них погибли, пронзенные острыми досками или погребенные под обломками; взгляд их, навеки застывший, отражал удивление и страх – не так они надеялись закончить свой жизненный путь. Генн шел теперь по перевернутой поверхности стены; пол был где-то слева.

Дым окутывал его, наполнял легкие вонью горячей плоти, но этот запах был ему знаком.

Гилнеас был охвачен огнем. Дым струился по боковым улицам, грохот пушек эхом отражался в небесах. Генн снова стоял на вершине крепости, той самой, где когда-то в детстве любовался закатом вместе с отцом, глядя на величественный город, которым когда-нибудь будет править.

Теперь над этим городом нависла угроза. Краули только что провел своих людей, этих северных бандитов, через ворота. Генн считал их террористами, и не мог простить измены.

Да, Краули не обрадовался возведению стены. Он отказался подчиняться Седогриву, и даже послал отряд, «Гилнеасскую Бригаду», на помощь Альянсу и леди Джайне Праудмур во время конфликта, известного ныне как Третья война.

Генн пытался образумить гордеца, пытался объяснить, что возведение стены послужит на благо народу. Он приложил все усилия, чтобы Краули понял, почему помогать Альянсу неразумно (хотя даже его собственный сын был против такого решения). Но Краули не внял голову разума. Краули считал, что он лучше знает, как обеспечить счастливое будущее Гилнеаса, и вознамерился покончить с «тиранией» Седогрива.

И вот теперь гражданская война раздирала государство, а столица пылала в огне, осажденная собственными жителями. Великая мечта Арчибальда Седогрива рушилась на глазах.

Генн резко повернулся и полез вверх по некогда горизонтальному проходу, откуда доносились крики о помощи.

Там, наверху, он видел руки эльфов, тянущиеся сквозь нагромождение изломанных досок. Синие и пурпурные ладони отчаянно ощупывали завал, ища путь к спасению. Должно быть, это были матросы из трюма на носу корабля.

Не тратя ни одной лишней секунды, Генн подтянулся на правой руке и выбросил вперед левую, расшвыривая обломки досок. Теперь в образовавшемся проеме появилось лицо ночного эльфа, воззрившегося на него с нескрываемой радостью.

– Во имя Элуну, откуда ты взялся? – воскликнул кто-то.

– Мы пришли спасти вас, – ответил Генн, сильнее дергая за обломки, но завал не поддавался. Одному ему было не справиться с этой преградой.

– Толкайте изо всех сил! Если мы объединим усилия, я вытащу вас оттуда!

– Как скажешь, ворген!

Генн сосредоточился, пытаясь изгнать из памяти ненужные мысли. *Перевернутый кубок. Вино разлилось по каменному полу, будто кровь.* Только не сейчас! Он не может отвлекаться, не может позволить воспоминаниям ослабить его в этот момент! Наконец, он с силой рванул на себя нагромождение досок, чувствуя, как с другой стороны напирают ночные эльфы.

Раздался треск, и Седогрив едва успел увернуться от падающих обломков, прижавшись всем телом к обшивке двери. Следом чуть не выпал ночной эльф, но в последний момент успел за что-то ухватиться. Моряки были свободны!

– Спасибо тебе, друг! Мы почти смирились с неизбежной гибелью.

– Рано меня благодарить, ночной эльф. Следуйте за мной!

Из трюма быстро выбрались несколько моряков, настороженно косясь на густые клубы дыма, поднимающегося снизу.

– Где мои жена и дочь?

– Ваши... кто? – переспросил матрос с окровавленным лицом.

– Так вы... король Седогрив? – уточнил другой.

Генн кивнул.

– Их каюты располагались ниже, но мы не видели их после крушения. Туда послали часовых препроводить вашу семью на нос корабля, но...

– Но что?

– С тех пор о них ничего не известно... Последний раз их видели в трюме по правому борту.

Генн немедленно вспомнил, что видел истерзанные тела часовых рядом с тем местом, где он проник на корабль, но коварная память услужливо заменила этот образ на другой: *отряд часовых, лежащих в луже запекшейся крови в Килевой гавани Гилнеаса*. Те часовые были убиты стражами смерти Отрекшихся, чудовищными монстрами на службе королевы Банши, которая объединила силы с дикими воргенами в стремлении завладеть землями Седогрива.

Генн в сопровождении моряков ринулся прочь, по разрушенным коридорам тонущего корабля. Они чувствовали, как с каждым тошнотворным толчком корабль погружается все глубже под воду. Карабкаясь через завалы, они наконец достигли того места, где лежали убитые часовые.

– Идите вниз, потом налево. Спасательные шлюпки ждут прямо возле иллюминатора. Бегом! – Генн указал рукой по направлению к задымленной каюте, через которую он проник на корабль.

– Покои вашей жены находились ниже, возле кормы. Удачи, и спасибо вам, – поблагодарил один из моряков.

С этими словами Генн разжал когти и позволил своему телу упасть вниз, где царил мрак и клубился дым. Странно было лететь сквозь нутро корабля, видя, как внизу коридора плещется вода.

Внезапно он услышал женский крик.

– Помогите! – кричала Миа. Генн тут же узнал ее голос. Он вытянул руку и схватился за обшивку каюты, остановив свободное падение.

– Иду, любовь моя!

Генн вскарабкался по мокрым доскам бокового прохода. Белое марево застилало его глаза, он почти ничего не видел сквозь пелену дыма и пепла.

– Муж мой! – воскликнула Миа. Она была где-то впереди. Уже недалеко.

– Держись! Я не дам тебе погибнуть! – воспоминания снова захватили его, обрывочные видения: *израненное тело Лиама в его руках, кубок, катящийся по каменному полу штабной комнаты, пролитое вино.*

Он с трудом прогнал эти мысли – *нет, не сейчас!* – и ворвался в каюту, выломав деревянную дверь.

– Папа! – прекрасная доченька, Тесс, бросилась ему на шею. Позади нее лежала Миа; нога ее была изогнута под странным, неестественным углом. Одного взгляда на опухшую, посиневшую конечность было достаточно, чтобы понять: это перелом.

– Мамочка, у нее... она повредила ногу! Я не могла бросить ее! Когда корабль врезался во что-то, шкаф упал прямо на нее, и я...

– Уходите отсюда, оба. – Миа с трудом пыталась скрыть боль. – Идите, дорогие мои, пока еще есть время. Оставьте меня.

– Я не брошу тебя, мама!

– Мы никогда не оставим тебя. Никогда!

Генн бросился к своей жене и бережно взял ее на руки. Невольный крик сорвался с ее губ, болью отозвавшись в его сердце; поврежденная нога безвольно свисала.

– Тише, тише, любимая. Сейчас мы выберемся отсюда. Ты только держись.

Несмотря на ужасную боль, королева улыбнулась, смешно наморщив аккуратный носик, и все ее лицо словно озарилось. Именно такой она запомнилась Генну в их самую первую встречу на королевском балу Адерики. Эта волшебная,

покорившая его сердце улыбка оставалась столь же прекрасной даже сейчас, когда ее обладательница готова была потерять сознание от боли.

– Хватайся за мою спину, дочка. Надо торопиться!

Тесс прижалась к его могучему, мохнатому телу, и Генн внезапно ощутил такой прилив энергии, какой не испытывал уже много дней. Он рванулся сквозь дым, каждой клеточкой своего существа ощущая, как дрожит Миа в его объятьях. Палуба перед ним была практически затоплена, отрезав путь к носу корабля. Теперь он подтягивал свое тело вверх одной лапой, пока Тесс помогала матери удержаться. Медленно, но верно Генн вел свою семью к спасению.

– Быстрее, папа, вода прибывает!

Генн не стал оборачиваться. Он слышал тревогу в голосе дочери и знал, что океан скоро настигнет их, если они не поторопятся. Смотреть вниз не имело смысла.

Завернув за угол, они миновали трупы часовых и устремились к каюте, через которую Генн проник на корабль. Но не успел король сделать и шага, как палуба словно ушла у него из-под ног. Треск тонущего корабля заглушил крики его жены и ребенка; время, отпущенное им на спасение, истекало, и ему оставалось только собрать все свои силы для последнего рывка.

Теперь он уже мог видеть спасательные шлюпки, в которые садились последние выжившие. Течение то и дело сталкивало лодки между собой, и Талар демонстрировал чудеса координации, принимая утопающих на борт. Генн заметил, что среди них были и спасенные им моряки.

– Талар! – крикнул Седогрив, пытаясь перекричать штормовой ветер. – Королева ранена! Ей и принцессе нужна помощь!

– Вели им прыгать вниз! – отозвался Талар. Он явно не ожидал увидеть их живыми. – Я их подберу! Мы сможем исцелить ее раны!

Генн посмотрел на двух женщин, стоявших рядом с ним. Королевство потеряно, сын погиб... теперь только они составляли смысл его жизни.

– Любимая, я знаю, тебе будет очень больно, когда ты ударишься о воду. Если бы я мог забрать себе эту боль, я бы это сделал. Прошу тебя, будь сильной.

– Рядом с тобой я смогу вынести любую боль, дорогой. Я люблю тебя и всегда буду любить. А теперь... отпусти меня.

Генн улыбнулся и разжал руки, доверив свою королеву океану. Потом он повернулся к дочери:

– Прыгай, Тесс. Помоги матери.

Девочка криво улыбнулась, с трудом сдерживая слезы, и протиснулась в иллюминатор, за которым ее ждало море.

Обе женщины быстро выплыли на поверхность, судорожно взмахивая руками и глотая воздух. Шлюпка Талара ждала рядом, и часовые уже готовились принять их на борт...

Седогрив вздохнул радостно и облегченно. Теперь ему оставалось только самому выбраться через иллюминатор, но не успел он сделать и шага, как какая-то неведомая сила потянула его вниз. Спасательные шлюпки покачнулись и врезались друг в друга; казалось, будто незримая рука протянулась из глубины и увлекла за собой «Свет Элуну».

Генна отшвырнуло в сторону, и он покатился из каюты, по затопленному коридору вниз, в самое чрево тонущего корабля.

– Генн! – закричала Миа, увидев, как нос судна скрылся под поверхностью воды. Только гигантские круги, похожие на загадочную мишень, напоминали о том, где только что находился корабль.

Генн отчаянно боролся с течением, пытающегося утянуть его за собой. Вода хлынула в его легкие, вытесняя остатки воздуха. Он запаниковал; сердце бешено колотилось, горло разрывалось от боли. Жить ему оставалось всего несколько минут...

Генн запаниковал. Он слышал голоса Годфри, Эшбери и прочих дворян, зовущих его из глубины чащи. Скоро его обнаружат.

Рядом с ним на земле лежало тело чудовища – одного из воргенов, поселившихся в Черной дубраве. Печальное наследие ошибки Аругала, горькое напоминание о том, что несколько лет назад он приказал использовать кровожадных зверей для битвы с Плетью, после чего твари обратились против его собственного народа. Теперь чудовище было мертво, застрелено из мушкета, и в том месте, где картечь пробила грудь, расплзались алые пятна. От тела все еще валил пар, но лужицы крови уже начали подсыхать.

Простые люди не знали, что каждое полнолуние король и его придворные – Годфри, Эшбери, Марли и другие дворяне – вооруженные до зубов выезжали в Черную дубраву охотиться на тварей, которых прочие считали обычной легендой, страшилкой, что рассказывают друг другу солдаты, вернувшиеся с обороны Стены

Седогрива. Благородные мужи истребляли их ради забавы и во имя мести, как заразу, которую следовало уничтожить.

Генн потянулся и прикоснулся рукой к влажному пятну на рукаве; кожа под ним пульсировала и ныла. На ладонях осталась кровь, густая и липкая. Его укусили. Проклятая тварь поджидала в засаде и набросилась прежде, чем он разрядил в нее мушкет.

По всему телу пробежала волна тошнотворного страха; неужели теперь он тоже превратится в презренного монстра? Он знал, что если Годфри, Эшбери или Марли увидят укус, то поступят так, как велит долг. Он бы и сам сделал то же самое на их месте: пристрелил источник проклятия.

Генн поморщился, стер с плеча кровь и натянул поверх сюртук.

– Сир, вы в порядке? – послышался крик Марли из-за деревьев.

Дрожащими руками Генн оторвал кусок ткани от сумки и подложил на плечо под сюртук, который пришлось застегнуть до самого горла.

– Лорд Седогрив, вы где? – теперь его звал Годфри.

Едва сдержав стон, Генн поднял воротник как можно выше. Рана горела так, что ему было тяжело дышать.

– Я... Я здесь! Я пристрелил эту тварь! – крикнул он в ответ, надеясь, что его вид не вызовет подозрений. Отрывисто дыша, он попятился прочь от мертвого тела и упал на землю, чтобы вытереть кровь о мокрую траву.

Язык воргена вывалился из пасти и свисал, подобно розовой ленте. Навеки застывшие глаза испытующе смотрели на короля.

– Папа! – простила Тесс, глядя, как корабль уходит под воду.

– Отправляйтесь назад, к флоту. Я попытаюсь его спасти. Не мешкайте! – отдал приказ Талар, перебираясь на нос шлюпки.

– Пожалуйста, – молила Миа, – верните моего мужа...

– Я сделаю все, что в моих силах, королева Седогрив.

С этими словами Талар нырнул в воду. Погрузившись в море, он превратился в гладкокожего морского льва – облик, который он в совершенстве научился принимать за последнее тысячелетие. Это умение верой и правдой

служило ему в морских походах. Прямо перед ним «Свет Элуну» медленно погружался в пучину, покорный бездонному мраку.

Генн плыл изо всех сил, отталкиваясь от стен корабля, но тяжесть в груди была невыносимой. Он чувствовал, как сознание ускользает от него, почти приветствуя избавление от страданий, от жгучей боли, раздирающей легкие. Мысли путались, отрывочные воспоминания пробуждали в памяти картины, которые он предпочел бы забыть, но вызванная ими боль подхлестывала его, заставляла двигаться вперед.

Он вспоминал тот день, когда воргены впервые напали на Гилнеас, видел силуэт таинственной жрицы – ночного эльфа, которая предупреждала его об опасности. Он как наяву видел сына, с гордостью ведущего свой народ на битву с Отрекшимися, видел воодушевленные лица солдат, и думал о том, как гордится этим молодым человеком, которого он воспитал.

Но силы быстро покидали короля, и вот он уже не мог больше держаться за косяк двери. Он почувствовал, как течение уносит его в глубину.

Держись крепко на ногах, сын мой. Если тебе хватит сил и мудрости – ты сможешь все.

То был голос отца, прозвучавший из глубин его памяти. Он подействовал на Седогрива подобно красным настоям, что варили аптекари для поддержания угасающей жизни.

Я знаю это, отец, – мысленно прошептал он, рванувшись вперед. В глазах помутилось, разум почти отказывался повиноваться. – *Я знаю...*

Ты можешь заставить себя сделать такое, о чем ты даже не подозреваешь!

Он был уже рядом с иллюминатором, за которым виднелась тень какого-то существа, плывущего навстречу. То был морской лев, сражающийся с течением.

Генн вел борьбу с той силой, что пыталась завлечь его на дно, сопротивлялся мраку, который хотел поглотить его разум. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, то увидел фиолетовую руку, тянущуюся к нему через окно. Другой рукой Талар крепко держался за раму иллюминатора, борясь с водоворотом.

Генн заглянул в сияющие глаза эльфа, посмотрел на протянутую руку. Талар пришел ему на помощь. Рискнул жизнью ради человека, которого едва знал и не очень-то любил.

Собрав последние капли сил, Генн совершил последний, отчаянный рывок, и почувствовал, как ладонь Талара крепко сомкнулась на его запястье.

И затем все погрузилось в непроглядную мглу.

Послание лежало на столе; Лиам даже стукнул по нему кулаком, чтобы его слова звучали более убедительно. Подросток, он уже не стеснялся отстаивать свою точку зрения. Он был испуган, зол и полностью не согласен со своим отцом.

– Ты можешь идти, Лиам. Я тебя выслушал, но не разделяю твоих мыслей, и тем более не одобряю твоего поведения.

Генн отхлебнул еще глоток вина.

– А что если чума дойдет и до нас? Что тогда? – не сдавался Лиам.

– На то мы и возвели стену, чтобы отделить наше великое государство от других народов, – парировал Генн. Он уже слегка опьянел, и от этого спора у него начинала болеть голова.

– А что если кто-то переберется через стену, отец? Что тогда мы будем делать? А точнее, что ты сделал для того, чтобы этого не случилось?

В порыве ярости Генн вскочил на ноги и швырнул полный вина кубок на каменный пол.

– Да как ты смеешь сомневаться в своем отце, щенок! Убирайся прочь!

Кубок со звоном катился по камням, разбрызгивая вино, будто кровь из свежей раны. Долгие мгновения Лиам ошеломленно глядел на него, не в силах отвести взгляд.

– Нет, сир. Я не уйду, пока ты не выслушаешь меня. Послушай, хотя бы раз. Они умоляют о помощи, отец! Лордерон мог обратиться к нам только в самой критической ситуации. Речь идет не о налогах или пошлинах, а о человеческих жизнях...

– Умолять – удел слабых! Что ты хочешь – отправиться их спасать? Взять меч и сражаться с этими чудовищами? Не бывать тому! Я не стану рисковать жизнью – ни моего сына, ни любого другого сына Гилнеаса. Так поступил бы мой отец, и такова моя воля!

– Ты всегда прячешься за спину дедушки. Всегда. Можно подумать, ты не король, а регент, который греет трон в ожидании его возвращения.

– Да как у тебя язык повернулся сказать такое?!

– На свете есть много других путей, и сын не обязан следовать по стопам своего отца...

– Да я в твои годы мечтал стать таким же, как мой отец! Такова обязанность всех принцев!

– А я-то думал, что главная обязанность принца – стать великим королем.

Лиам отвернулся; он исчерпал все свои аргументы, но отец как всегда стоял на своем.

– Прочь с моих глаз! Уходи! И помни – стена защитит нас, сынок, – выкрикнул Генн, падая обратно в кресло. – Она будет стоять вечно, и ничто никогда не будет угрожать величию Гилнеаса! Ты слышал – никогда!

Голос его эхом разнесся по опустевшей комнате.

Генн попытался открыть глаза; веки повиновались не сразу, но когда наконец ему удалось взглянуть на мир, тот ослепил его потоком солнечного света. Генн быстро заслони́л лицо рукой. И так, он выжил. Он не слышал и не чувствовал признаков бури, наоборот – над головой проплывали пушистые, белые облака на фоне лазурного неба.

– Гляжу, вы очнулись, – радостно заметил знакомый голос.

– Талар, – с улыбкой прошептал Генн. – Ты спас мне жизнь.

– Вы долго были без сознания, ваше величество, и говорили во сне.

– Мне снился мой мальчик... Мой сын мог бы стать великим королем, гораздо лучшим, чем упрямый старик.

– Генн... Лорд Седогрив, не казните себя. Вы...

– Нет, Талар, в сердце моем нет больше грусти... Будут еще времена, когда мысль об этой утрате снова причинит мне боль, но сейчас я обрел покой.

– Я... не понимаю.

– Лиам знал, что на свете есть много путей, и нельзя ограничивать себя в выборе решения. Я могу гордиться тем, что сын мой был мудрее меня.

– Возможно, всем нам пора подумать о выборе другого пути... Ваш народ упрям, как и вы, милорд, но это качество спасло жизни многих моряков. Это честь для меня – сопровождать вас в Тельдрассил.

– Ах, да. Тельдрассил. Я слышал, он воистину прекрасен.

– Идемте со мной, ваши жена и дочь ждут вас. Наши целители уже вылечили ногу королевы.

Талар протянул руку, чтобы помочь Генну подняться с палубы; несколько мгновений король смотрел на его вытянутую ладонь.

– Старый король пока еще не нуждается в чьей-либо помощи, чтобы встать на ноги, Талар Вороний Дуб. Надеюсь, ты этого еще не забыл.

Он встал, поморщившись от боли, и Талар разразился искренним смехом.

– Будь по-вашему, друг мой! – усмехнулся он. Первый раз в жизни Генн слышал смех ночного эльфа – раньше ему не доводилось даже видеть их улыбки.

Выпрямившись во весь рост, Генн смотрел, как солнечный свет отражается от зеркальной поверхности океана. Все его тело ныло от боли, но разум был чист как никогда. Он замер на мгновение, ожидая новой волны тревожных воспоминаний, но, похоже, они оставили его в покое. Корабли медленно расходились в стороны; теперь, когда беда миновала, каждый из них поднимал яркий парус и устремлялся вдаль, по залитой светом морской глади.

– Ты как-то сказал мне, что верховный друид Ярость Бури считает нас важной частью Альянса...

– Именно так.

– Возможно, он прав, друг мой. Возможно, он прав...